

Какильбаева Э.Т.,
Сабитова З.К.

Особенности сюжета в лирике Олжаса Сулейменова

В статье рассматриваются особенности развития лирической темы в сюжетах Олжаса Сулейменова. При раскрытии этой проблемы авторы статьи отталкиваются от известных концепций о лирическом сюжете. Во главу угла ставится мысль о том, что лирическому сюжету Олжаса Сулейменова свойственны вненарративность, нелинейность, интертекстуальность. С этих позиций дана интерпретация сюжетных структур двух стихотворений «Жара» и «Декабристы». По мнению авторов статьи, по своей структуре и содержанию «Жара» представляет собой жанровую разновидность лирической новеллы, встречающейся в творческой практике А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова и др. При анализе сюжета «Декабристов» основное внимание уделено функциям отдельных интертекстов, в частности, заглавия и посвящения, а также функции «минус-приема». Авторы статьи считают, что поэт воссоздал в этом лирическом сюжете особый мир Петербурга как города русской истории и культуры. В статье интерпретируются функции аллюзий и отсылок, подчеркивается, что эти знаковые маркеры чаще всего даны полунамеком, неявно, приблизительно, с расчетом на знающего читателя.

Ключевые слова: лирический сюжет, «минус-прием», интертекстуальная природа лирического сюжета, лирико-драматическая новелла.

Kakilbaeva I.T.,
Sabitova Z.K.

Features of a plot in Olzhas Suleymenov's lyrics

Article considers features of development of a lyrical subject in Olzhas Suleymenov's plots. Authors of article make a start from the famous concepts about a lyrical plot. The main thought in this article are peculiar to a Suleymenov's lyrical plot nonlinearity, there is no narrative, the plot is intertextual. Interpretation of subject structures of two poems «Heat» and «Decembrists» is given from these positions. According to authors of article, «Heat» represents a genre kind of the lyrical short story which is found in creative practice of A.S.Pushkin, N.A.Nekrasov, etc. The main attention in the analysis of a plot of «Decembrists» is paid to functions of separate intertext, in particular, of the title and dedications, and also the minus-reception functions. Authors of article consider that the poet has recreated in this lyrical story the special world of St. Petersburg as the city of the Russian history and culture. In article are interpreted functions of hints and sendings. Authors emphasize that these sign markers are most often given by a semi-hint, is implicit, approximately, counting upon the knowing reader.

Key words: lyrical plot, «minus reception», intertextual nature of a lyrical plot, lyrical-dramatic short story.

Кәкілбаева І.Т.,
Сабитова З.К.

Олжас Сулейменовтің лирикасындағы сюжеттің ерекшеліктері

Мақалада Олжас Сулейменовтің сюжеттеріндегі лирикалық тақырыптың даму ерекшеліктері қарастырылған. Осы мәселені зерттеу саласында мақала авторлары лирикалық сюжет туралы белгілі концепцияларды қолданып отыр. Олар Олжас Сулейменовтің лирикалық сюжетінде нарративтілік, сөйлеудің сызықтығы жоқ, оның сюжеттері интертекстуалдылық қасиетіне ие деп, санайды. Осы көзғарасты қолдана отырып, авторлар «Аптап» және «Декабристер» атты Олжас Сулейменов өлендерінің сюжеттік құрылымына интерпретация жасаған. Олардың ойынша, «Аптап» өленінің құрылымы мен мазмұны А.С. Пушкин, Н.А. Некрасов шығармашылығында кездесетін лирикалық новелла жанрына ұқсас. «Декабристер» өленінің талдауын жасағанда авторлар сюжеттегі кейбір интертекстердің функцияларын белгілеген. Әсіресе шығарманың атауына және арнауына ерекше назар аударған. Авторлардың айтуынша, ақын осы лирикалық сюжетте Петербургті орыс тарихы мен мәдениетінің қаласы ретінде көрсетіп, оның өмірін ерекше әлем деп бейнелейді. Мақалада сілтеме мен аллюзиялардың функциялары анықталған.

Түйін сөздер: лирикалық сюжет, «минус-тәсіл», лирикалық сюжеттің интертекстуалдылық табиғаты, лирико-драматикалық новелла

ОСОБЕННОСТИ СЮЖЕТА В ЛИРИКЕ ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА

Проблема сюжета в лирическом тексте – одна из неразрешенных до сего времени проблем в литературоведении. По мнению авторитетных теоретиков, в частности, Г.Н. Поспелова, своеобразие сюжета в лирике в основном зависит от типа лирики: медитативная, медитативно-образительная, описательно-образительная, «персонажная», повествовательная [1]. Б.В. Томашевский допускал возможность бессюжетной лирики, для него лирика чаще всего была бесфабульной [2, 210]. В.А. Сапогов, напротив, полагает, что «бесфабульных произведений не существует, что в лирическом сюжете фабула может быть обозначена в заголовке, и сюжетную ситуацию можно реконструировать по этому обозначению [3, 92].

Но все исследователи сходятся во мнении, что лирический сюжет порождается внутренними переживаниями лирического героя, ассоциативными связями, контекстом. То есть лирическое произведение практически неизбежно существует только в контексте, в «скрытом» сюжете за пределами текста стоят реальные события, на которые есть намек или прямое указание в самом тексте, в заголовке, примечаниях автора или в датировке и т.п.

Ю.М. Лотман считал, что «общие законы построения сюжета касаются как поэзии, так и прозы» [4, 107]. В монографии «Структура художественного текста» исследователь говорит о том, что «сюжет и сюжетность являются такой же формой, как и рифма» [5, 162]. Поэтому отсутствие сюжета, по его мнению, есть «минус-прием», когда сюжет предполагается, но его в тексте нет. Другой исследователь этой проблемы Ю.Н. Чумаков полагает, что лирический сюжет «воспринимается сразу и целиком», он отличается вннарративностью, нелинейностью и не может быть рассказан. Поэтому лирический сюжет буквально «прорывается» в «местах и точках ... соприкосновения текстов» [6, 18]. Все это есть свидетельство интертекстуальной природы лирического сюжета. То есть, по его мнению, в лирическом сюжете присутствует переключка с каким-либо другим текстом, он строится за счет отсылок к сюжетам самого автора или других поэтов. И как частный случай, лирический сюжет может быть импровизацией на заданную или узнаваемую тему, тематически переключаться с другими текстами.

Отталкиваясь от вышеизложенных тезисных положений о лирическом сюжете, попробуем рассмотреть стихотворения Олжаса Сулейменова с точки зрения развития в них лирического сюжета. Казахский поэт, сформировавшийся под влиянием русской литературы, пишущий на русском языке о своем народе и казахской истории, покорила самобытностью своих стихов читающую публику 60-ых годов, прежде всего, московскую и российскую, потому что его первые стихи появились в центральных газетах и журналах. Его поэтический стиль поражаёт энергией ритма, особым, наполненным иным смыслом языком, непривычными ассоциациями, новыми жанровыми лирическими формами. Уже первые поэтические эксперименты Олжаса Сулейменова тех лет явно имели цель «стереть» границы между поэзией и прозой. Увлечение русскими футуристами, работа в кино и наличие опыта сценариста отразились в тяготении поэта к трансформации традиционной системы лирических жанров, в создании новых оригинальных жанровых разновидностей, в формировании нетрадиционных структурных конструкций. Своеобразие рассматриваемых нами лирических сюжетов обусловлено, с нашей точки зрения, обращением Сулейменова к жанру лирико-драматической новеллы, каковой, по нашему разумению, является стихотворение 1962 года «Жара»:

Ах, какая женщина,
 Руки раскидав,
 Спит под пыльной яблоней.
 Чуть журчит вода.
 В клевере помятом сытый шмель гудит.
 Солнечные пятна бродят по груди.
 Вдоль арыка тихо еду я в седле.
 Ой, какая женщина! Косы по земле!
 В сторону смущённо
 Смотрит старый конь.
 Солнечные пятна шириной в ладонь... [7, 58].

М.Н. Эпштейн считает, что в новелле повествуется об одном событии: «Поэтизируя случай, новелла предельно обнажает ядро сюжета – центральную перипетию, сводит жизненный материал в фокус одного события»... [8, 248]. В.А. Грехнев находит черты новеллы в лирическом тексте А.С. Пушкина, который «закрывает сюжет пределами ситуации. Именно ситуация (в редких случаях – ситуативная цепь) является той максимальной мерой событийности, которая доступна лирическому сюжету» [9, 194]. Стихотворение «Жара» по своей структуре тяго-

теет к лирической сюжетно-повествовательной манере А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, Я.П. Полонского, А.А. Блока и др., что позволяет нам рассматривать его в контексте художественного опыта русской поэзии XIX-XX веков.

В сулейменовском тексте четко определены временные границы сюжета и место действия событий, то есть соблюдена логика развития ситуации: женщина под яблоней, журчание воды в арыке, появление лирического героя в седле, реакция второго действующего лица – старого коня. Сюжетное время предельно конкретизировано, непрерывно, как того требует динамичный ритм новеллы.

Так же предельно фиксировано положение трех персонажей в этом сюжете, эмоциональные реакции лирического героя и его верного спутника – старого коня переданы через конкретные действия (*тихо еду я в седле*) и психологических жестов (*В сторону смущённо Смотрит старый конь*). Реакцию героев на увиденное (...*женщина, Руки раскидав, Спит под пыльной яблоней*) – характеризует слово-междометие с четко проявленной жестикуляцией, передающей восторг, восхищение, любование, преклонение.

Эмоциональный возглас героя: «*Ах, какая женщина*», открывающий сюжет, формирует следующий микросюжет (*Ой, какая женщина! Косы по земле!*). Эти маркированные речевые формулы играют особую семантическую роль в лирическом сюжете, передают душевное состояние героя, которого увиденное чудо заставляет пережить момент потрясения, поэтому оправдан неожиданный фабульный кульминационный поворот в финале, переданный через назывное предложение с многозначным многоточием: *Солнечные пятна шириной в ладонь...* Заключительные слова акцентируют внимание на открытом финале сюжета, дают возможность почувствовать новые контуры этой интимной истории. Но при этом хочется подчеркнуть, что сулейменовский лирический сюжет при всей конкретности и определенности происходящих в нем событий порождает атмосферу недоговоренности, психологических недомолвок, которые способствуют раскрытию психологического состояния лирического героя.

Другой тип лирического сюжета представлен в стихотворении Олжаса Сулейменова «Декабристы» с посвящением Н. Ровенскому. Значимой для нас особенностью этого текста является заглавие, которое вызывает в нашей памяти воспоминания о трагической судьбе лучших людей России, которые 14 декабря 1814

года вышли на Сенатскую площадь с требованием свержения самодержавия и отмены крепостного права.

Апелляция поэта к адресату также полна глубокого смысла. Известный критик и литературовед Николай Степанович Ровенский большую часть своей творческой жизни посвятил казахской литературе, ее литературным связям и контактам, евразийство было его судьбой. Он писал об этом, по образному выражению В.В. Бадикова, «патетически приподнято и научно-эвристически». Н.С. Ровенский долгое время был заведующим отделом критики журнала «Простор» и одним из первых по достоинству оценил лирику молодого Олжаса Сулейменова. В своей книге «Литературные портреты» (1973 г.) он парадоксальным образом сблизил лирику казаха Олжаса Сулейменова и музыкальный шедевр француза Мориса Равеля «Болеро», отметив, что «...гениальный композитор и молодой поэт захвачены темой, в которой напористо и обнаженно выразились наиболее сложные духовные конфликты нашего столетия» [10, 277].

Обращение Олжаса Сулейменова в стихотворении «Декабристы» к этому имени, думается, не случайно, оно позволяет поэту ввести читателя в мир русской истории и культуры. Сюжет Сулейменова насквозь пронизан аллюзиями и отсылками к истории Петербурга как города музеев, декабристов, Пушкина и Гоголя. Отсылки чаще всего даны полунамеком, неявно, приблизительно, с расчетом на *догадку* знающего читателя. Структура сюжета в данном лирическом тексте двучастная. В первой части представлен современный Сулейменову-поэту музейный город, где его внимание приковано к «тем церквам, где молчат исповедальни», «крепостям и тюрьмам» («что может быть страшной тюрьмы пустой?»). Это город для туристов, которых поэт осуждает как не знающих «ни обычаев табу, ни цен на памятники исторические». По нашему разумению, на подтекстовом уровне этот сюжет имеет едва видимые параллели с целью отталкивания со Вступлением «Медного всадника» А.С. Пушкина, где град Петров показан во всей красе и величии. Сулейменовские подробности отдают петербургские улицы во власть *полков самоуверенных туристов*.

Во второй части сюжет неявно перекликается с известными петербургскими сюжетами в русской литературе. Вступление-зачин к сюжету обозначает при помощи перифраз основную

сюжетную тему: «*О, город – сын поэм и поздних бурь!*». В нашем читательском сознании возникает поэма «Медный всадник», лирический герой идет по пушкинско-гоголевскому Петербургу, где «*воротников крахмальные ошейники //, манжеты, словно белые кандАлы, // под черными крылатыми шинелями*». Облик столицы николаевской империи воссоздан через знаковые детали, которые отсылают нас к сюжетам гоголевских петербургских повестей, в первую очередь, к «Невскому проспекту». Вторая часть зачина «*О, город – ... поздних бурь!*» отсылает к Петрограду, деталь «*и там, где вечно на приколе крейсер*» напоминает об октябрьской революции 1917 года. Как видим, аллюзии возникают на уровне сюжета и тематики, актуализируют тему *зимнего* Петербурга и *весеннего* Петрограда. А следующий мини-сюжет, заключенный в одной строке: «*услышать: «Что-то новое воскрес!»*», в подтексте содержит еще несколько ранее известных сюжетов, отсылает нас к мифологии, к гоголевскому «Носу», где необыкновенно-странное происшествие случилось 25 марта накануне Благовещенья, к блоковской поэме о революционном Петрограде... То есть, в сулейменовском тексте эти сюжеты присутствуют одновременно, воспринимаются в комплексе и существование одного не отменяет существования другого. Несмотря на предельную краткость этих сюжетов (наглядный пример своеобразного использования Сулейменовым «минус-приема»), можно отметить одну особенность второй части сюжета «Декабристов». Он построен по следующей схеме: в начале текста автор задаёт тему, далее импровизирует на заданную уже тему, путешествуя во времени по Петербургу и Петрограду. А финал стихотворения – неожиданный, но в достаточной степени он оправдан и логически вытекает из логики развития темы о декабристах: «*не быть прохожим на Сенатской // площади*». Поэт подчеркивает свою причастность к их высокой миссии. Здесь можно отметить еще одну эффектную функцию минус-приема: в сулейменовском стихотворении явно-го сюжета о декабристах нет, но они постоянно незримо присутствуют во всем повествовании и заявляют о себе в последних строках, создавая тем самым эффект обманутого ожидания. Таким образом, мы считаем, что лирический сюжет Олжаса Сулейменова глубоко интертекстуален, что позволяет нам рассматривать лирику поэта как гипертекст и включать его в общий контекст мировой литературы.

Литература

- 1 Пospelov Г.Н. Лирика среди литературных родов. – М.: Издательство Московского университета, 1976. – 208 с.
- 2 Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – М.: Аспект-Пресс., 1995. – 333 с.
- 3 Сапогов В.А. Сюжет в лирическом тексте // Сюжетосложение в русской литературе: Сб. статей. – Даугавпилс, 1980. – С. 90-97.
- 4 Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. – Л.: Просвещение, 1972. – 272 с.
- 5 Лотман Ю.М. Структура художественного текста – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
- 6 Чумаков Ю.Н. Лирика и лирический метасюжет (часть 2) // Лирические и эпические сюжеты: Сб. науч. тр. – Новосибирск, 2010. – Вып. 9. – 267 с.
- 7 Сулейменов О. Жара // Сулейменов О. Определение берега. Стихи и поэмы. – Алма-Ата: Жазушы, 1976. – С. 58.
- 8 Эпштейн М.Н. Новелла // Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987. – С. 248.
- 9 Грехнев В.А. Лирика Пушкина: О поэтике жанров. – Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1985. – 240 с.
- 10 Ровенский Н. Назначить себе высоту // Феномен Олжаса: сб. статей. – Алматы: ИД «Библиотека Олжаса», 2011. – С. 277-320.

References

- 1 Pospelov G.N. Lirika sredi literaturnyh rodov. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1976. – 208 s.
- 2 Tomashevskij B.V. Teoriya literatury. Poehtika. – M.: Aspekt-Press., 1995. – 333 s.
- 3 Sapogov V.A. Syuzhet v liricheskom tekste // Syuzhetoslozhenie v russkoj literature: Sb. statej. – Daugavpils, 1980. – S. 90-97.
- 4 Lotman YU.M. Analiz poehticheskogo teksta. Struktura stiha. – L.: Prosveshchenie, 1972. – 272 s.
- 5 Lotman YU.M. Struktura hudozhestvennogo teksta – M.: Iskusstvo, 1970. – 384 s.
- 6 CHumakov YU.N. Lirika i liricheskij metasyuzhet (chast' 2) // Liricheskie i ehpicheskie syuzhety: Sb. nauch. tr. – Novosibirsk, 2010. – Vyp. 9. – 267 s.
- 7 Sulejmenov O. ZHara // Sulejmenov O. Opredelenie berega. Stihi i poehmy. – Alma-Ata: ZHazuшы, 1976. – S. 58.
- 8 EHpshtejn M.N. Novella // Literaturnyj ehnciklopedicheskij slovar'. – M., 1987. – S. 248.
- 9 Grekhnev V.A. Lirika Pushkina: O poehtike zhanrov. – Gor'kij: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1985. – 240 s.
- 10 Rovenskij N. Naznachit' sebe vysotu // Fenomen Olzhasa: sb. statej. – Almaty: ID «Biblioteka Olzhasa», 2011. – S. 277-320.

